

**ВИЗАНТИЙСКОЕ РОСТОВЩИЧЕСТВО НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ
ЭКОНОМИКИ И РЕЛИГИИ:
МЕНТАЛЬНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ И ИХ ПРЕОДОЛЕНИЕ**

Моральная оценка кредитно-денежных операций может служить одним из наиболее ярких показателей «экономического мировоззрения» общества. В этом плане исключением не была и Византия, торговля которой была сопряжена со значительным развитием кредитно-ростовщических операций. Традиционным стало утверждение о негативном отношении к ростовщичеству в византийском обществе, об активном осуждении лихвы и взимания процентов, которое шло от стихийного общенародного отношения к нему и активно использовало христианскую форму. Обычны при этом ссылки на агиографические источники, в которых нередко встречаются упоминания о товарно-денежных отношениях.

К примеру, византинисты нередко ссылаются на Чудеса вмч. Артемия (570-660 гг.). В этом памятнике повествуется о том, что сын менялы и ростовщика (христокаталлакты и симодария), которого родители пытались приобщить к профессии отца, будучи мальчиком религиозным, настолько стыдился «жалкого позорного прибытка» отца, получаемого за счет сдирания с должников безмерных процентов, что стал священнослужителем.

О ненасытности ростовщиков, желавших, чтобы люди подвергались «нуждам и бедствиям» и прибегали к ним за денежной помощью, писал Григорий Нисский. По его словам, заимодавец «каждодневно пересчитывает свои доходы, и никогда не довольствуется ими; досадует на золото, которое лежит у него дома, ибо оно остается без всякого употребления и прибытка». По свидетельству Иоанна Златоуста, многие трапезиты «прилагают проценты к процентам и гоняются путем неправды за всякой прибылью».

Однако упомянутая позиция исследователей кажется, все же, излишне категоричной и прямолинейной, и данные источников (в том числе и тех же агиографических) позволяют ее пересмотреть. Значительный интерес в данном случае представляет житие Спиридона Тримифунтского (ум. ок. 348 г.), составленное епископом кипрского города Пафа Феодором (ок. 625 г.). В Житии повествуется о том, как Спиридон несколько раз ссужал деньги приходившему к нему купцу, не взимая при этом никаких процентов. Торговец самостоятельно возвращал долг, кладя деньги в ящик в доме святого. Однажды купец, убедившись в том, что святой никак не проверяет возврата денег, решил не возвращать ссуду. Утаенные деньги не пошли торговцу на пользу, торговля пришла в упадок, и когда он в очередной раз явился за ссудой, Спиридон

предложил ему взять деньги самому, поскольку он знает, где они лежат. Когда же купец нашел сундук пустым, святой заявил, что, очевидно, в прошлый раз долг не был возвращен, поскольку после купца к ящику никто не касался и пристыженный должник, пав на колени, умолил святого о прощении¹. Ранее я полагал, что святой настаивал на возврате суммы долга, не взимая при этом процентов², однако в «системе координат» проповедей Григория Нисского речь может идти о том, что Спиридон подавал милостыню купцу, просящему ее под видом займа (под видом благоприличия), то есть осуществлял «первую степень благотворительности». Показательно безразличие святого к возврату долга – он не проверяет, вернул ли купец деньги и сполна ли сделал это, поскольку подавал милостыню, а не давал займы, и, следовательно, изначально не рассчитывал на возврат денег. Когда же торговец, обманув Спиридона и не вернув взятое в ящик, в очередной раз обращается за деньгами, святой не отказывает ему и позволяет взять просимое из сундука. Он, безусловно, в очередной раз воспринимает происходящее как подавание и готов осуществить его, если только у него обнаружатся необходимые средства.

Как мы видим, даже святой мог, согласно житийной литературе, выступать в качестве займодавца, если он не требовал при этом никаких процентов. Этот мотив мы встречаем и в житии преп. Иоанна Милостивого, архиепископа Александрийского (610-619), принадлежащем перу Леонтия Неапольского (620-640-е гг.). Иоанн не раз ссужал александрийских купцов и деньгами (на значительные суммы в 5-10 литров золота), и товарами (в основном зерном из житниц патриархии), и не нарекал, когда заемщик не мог вернуть ссуду даже после благополучного возвращения в Александрию.

Еще более интересно другое обстоятельство, столь ярко подчеркнутое в житии Спиридона, а именно – идея справедливого воздаяния при предоставлении ссуд. Очевидно, в житии подчеркивалось, что следует не только одалживать деньги без начисления процентов, но и возвращать долги в срок и сполна. Вероятно, так на практике применялся заложенный в Евангелии принцип деловых отношений: «как хотите, чтобы люди поступали с вами, так и вы поступайте с ними».

Пожалуй, наиболее подробно позицию церкви по отношению к ростовщичеству выразил Григорий Нисский (335-396 гг.) в «Слове против ростовщиков». Здесь он подчеркивал, что прощение денег займы – то же, «что и прощение милостыни, только имеющее вид благоприличия», и поэтому следует подавать нуждающимся, не только не взимая с них лихвы, но и не требуя обязательного возврата начальной суммы кредита (моральная ответственность за ее возвращение перекладывается, как следует из жития Спиридона Тримифунтского, на должника). Беспроцентную ссуду проповедник считал «второй степенью

благотворительности» (первая степень – «безвозмездное даяние»), и утверждал, что «достойны наказания как тот, кто отказывает в одолжении, так и кто одалживает с налогом лихвы. Первый будет судим как человеконенавистник, второй – как корыстолюбец». Такое же требование сохранить возможность ссуды при одновременной отмене ростовщического процента выдвинул в XIV в. в своем сочинении «Слово против ростовщиков» Николай Кавасила.

Впрочем, постулированные проповедниками требования были неосуществимы на практике, и простые соображения благочестия, не связанные с получением определенной выгоды, не могли заставить потенциальных заимодавцев расстаться со своими капиталами: «или не дадим, или дадим с условием, чтобы должник уплатил такое-то количество лихвы» – так передает Григорий Нисский типичную позицию потенциальных ранневизантийских заимодавцев. Заметим, что точно так же поступали, по словам Николая Кавасилы, и поздневизантийские ростовщики: «Они же (ростовщики – А.Д.), так как не дозволяется брать проценты, решают не давать в долг, сами упраздняют в городах кредиторов и закон порицают за это». И еще более точно: «Никто не будет давать займы деньги, если не будет надежды получить проценты».

Несовместимость проповедуемого отношения к ростовщичеству однозначно показала попытка Василия I (867-886) запретить взимать проценты по ссудам (Prochiron. XVI. 14). Запрет не распространялся лишь на несовершеннолетних и сирот. Базировавшиеся на христианском отношении к взиманию процентов нововведения императора вызвали одобрение широких слоев населения, однако просуществовали недолго, и уже Лев VI (886-912) в своих новеллах отказался от них. Считая закон Василия I прекрасным, он вынужден был признать, что без взимания процента само существование кредитных отношений ставится под угрозу (Les Nouvelles de Leon VI le Sage. LXXXIII). «Это распоряжение (Василия I о запрете взимания ссудных процентов – А.Д.) вследствие бедности народа привело не к лучшему, как думал законодатель, а к худшему. Раньше, в надежде на процент, многие охотно давали ссуду; когда же появился закон, согласно которому нельзя было извлекать выгоду из представления ссуды, некоторые стали бесчеловечными, жестокими и неотзывчивыми к нуждающимся в подобной ссуде... В результате... закон, сам по себе доброжелательный, не принес пользы, но причинил вред... Природа человека не достигла той высоты, на которой находится этот закон, и поэтому мы отменяем этот прекрасный закон». Таким образом, призывы церкви к запрету ссудного процента, «сбавке долгов и совершенному прощению долговых обязательств (chreon arosorai, othlematon synchoreseis)», как об этом сказано в Житии св. Георгия Амастридского, остались бесплодными.

Иными словами, практика показала, что высокий идеал, зафиксированный в законе Василия I, был несовместим с жизненными реалиями, отрицательно отражался на торговых сделках и сдерживал развитие торговли. Эти обстоятельства вынудили Льва VI пойти на восстановление старого законодательного акта Юстиниана, признававшего возможность взимания процентов, но регламентировавшего их максимальный уровень в зависимости от социального статуса кредитора (Basil. XXIII. 3. 73, 74, 76; ср.: Cod. Just. IV. 26; IV. 32; Nov. Just. 32, 1 и др.). Как и в VI в., профессиональным ростовщикам было позволено взимать 8% годовых, представителям знати – 4%, всем прочим лицам – 6%. В особых случаях, связанных с риском потери капитала (прежде всего – ссуды на морскую торговлю), как и ранее, позволялось начисление 12% (Basil. XXIII. 3. 73, 74, 76; ср.: Cod. Just. IV. 26; IV. 32; Nov. Just. 32, 1). Предельно разрешенный процент не мог быть превышен даже по взаимной договоренности сторон. Если же превышение предписанного законодательством процента по ссудам все же допускалось, то незаконно выплаченные деньги должны были идти в счет погашения основной суммы долга.

Очевидно, начисления таких процентных ставок было вполне достаточно для нормального ведения кредитных операций и извлечения прибыли вполне пристойного уровня. Близкий уровень кредитных ставок автоматически установился в мусульманском восточном городе XI в., где ссудный процент редко превышал 6-10% годовых.

Таким образом, Лев VI расценивал ростовщичество как «необходимое зло», избежать которого в идеале хотелось бы, но на деле, к сожалению, было невозможно. Жизненные реалии неумолимо вынуждали отказываться от умозрительных идеалов. Подобную ситуацию можно отметить и на среднесвековом мусульманском Востоке, где, с одной стороны, ростовщические операции осуждались, с другой – признавалась невозможность ведения торговли без использования кредита.

Именно вследствие описанной ситуации отношение к ростовщичеству в Византии, как представляется, было амбивалентным, а не сугубо отрицательным. Это отразилось, в частности, в агиографической литературе, иногда даже показывающей ростовщиков в самом благоприятном свете. Так это было сделано в прологе о Феодоре-купце и еврейском ростовщике Абраме. Как повествуется в этом источнике, Абрам трижды соглашался давать ссуду Феодору, не требуя у него возврата взятых ранее денег и имея в качестве своеобразного поручительства только изображение Иисуса Христа. В итоге, когда должник, осуществив удачный торговый рейс, смог сторицей вернуть кредит, оставив четыре тысячи литров вместо взятой в долг тысячи, еврей был настолько поражен силой христианского бога, что изменил вероисповедание, а все свои деньги вложил в строительство часовни, где

стал служить священником. Очевидно, что в Византии даже неодобрительно воспринимаемая в обществе профессия ростовщика не была все же, используя выражение Р. Лопеца, «объектом неразборчивой ненависти».

Можно предположить, что «неразборчивая ненависть» и тотальное осуждение миновало тех ростовщиков, которые не осмеливались преступать закон и взимать более высокие проценты, чем это предписывалось законодательством. Деятельность таких заимодавцев допускало само государство, как бы определяя ставку процента, взимание которой не ведет к нарушению христианских канонов. В определенной мере, законодательство, разрешавшее взимание процентов, выполняло своеобразную компенсаторную функцию – оно позволяло ростовщикам легче согласиться на деятельность, с осуждением воспринимаемую в проникнутом христианскими традициями обществе. По замечанию Николая Кавасилы, ростовщики не гнушаются своих доходов именно потому, что их деятельность не осуждается (от себя отметим – даже одобрится, или, по крайней мере, признается необходимой) законом.

Безусловно, это только предположение, но стоит заметить, что подобного рода установка существовала в Османской империи. Здесь кредитные операции под фиксированный процент (20 %) не считались ростовщицеством и не воспринимались как нарушение запретов Корана. Как рыба (собственно ростовщицество) расценивались только те кредитно-денежные сделки, которые влекли за собой начисление лихвы, превышавшей 20%. Вполне возможно, что нечто подобное могло существовать и в раннесредневековой Византии, где светские и церковные порядки были взаимопроникающими. Так, говоря словами Ф. Броделя, религия, постоянно твердя «нет» «нововведениям рынка, денег, спекуляций, ростовщицества», в конце концов, отвечала «да» и шла на «aggiornamento – приспособление к современности».

Интересным также представляется сопоставление идеи ограниченного ростовщического процента с идеей «справедливой цены» (*iustum pretium*, *to dicaion timema*) и нормированием процента прибыли для членов некоторых константинопольских корпораций. Идея «справедливой цены» также проникла в житийную литературу, и агиограф Антония Великого (IV в.) вкладывал в уста святого следующие слова: «В этой настоящей жизни цена покупаемой вещи бывает равна тому, чего она стоит, и не более того получает продавец. Но обетование вечной жизни приобретается за слишком малую цену: оно подается нам за жизнь кратковременную». В Византии, как и в Западной Европе, существовало оправдание деятельности купца, если при этом не нарушался принцип справедливого уровня вознаграждения. Вполне возможно, что такая же ситуация могла быть характерной и для ростовщической деятельности.

Очевидно, описанное отношение к ростовщичеству было не только наиболее выгодным, но и единственно возможным в условиях христианского общества, которому не был чужд не только религиозный туризм и фанатизм, но и чувство выгоды. Оно настолько сильно проникло в мировоззрение ромеев, что даже подаяние беднякам приравнялось к займу, который давался не кому иному, как самому Богу: «Ведь говорят: «Кто дает бедному, тот ссужает Богу. А Бог святой воздаст..., и дарует царство небесное»³.

¹ Le legende de S. Spyridon eveque de Trimithonte, 21 / Ed. P. Van den Ven. – Louvain, 1953. – P. 92.

² См.: Домановский А.Н. Об отношении к ростовщичеству в раннесредневековой Византии // Проблемы истории и археологии Украины: Материалы V Международной научной конференции (Харьков, 4-6 ноября 2004 г.). – X., 2004. – С. 69-70; ср.: Домановский А.Н. Милостыня, ссуда и ростовщичество в ментальной картине мира ромея: опыт сопоставления // Курбатовские чтения. Материалы ежегодной межвузовской конференции по истории и культуре средних веков и раннего нового времени. – СПб., 2006. – С. 10-11; Домановський А.М. Державне регулювання лихварства у Давній Русі в порівнянні з ранньосередньовічною Візантією // Середньовічні старожитності Центрально-Східної Європи: Тези доповідей V Міжнародної студентської наукової археологічної конференції (Чернігів, 14-16 квітня 2006 р.). – Чернігів, 2006. – С. 34-36.

³ Еще история Человека Божьего, которая была записана в городе Риме, его божественном образе жизни и о том, как он покинул мир / Пер. А.В. Пайковой // Пайкова А.В. Легенды и сказания в памятниках сирийской агиографии. – Л., 1990. – С. 104.